
ЭТИКА

М. А. КОБРИНЕЦ

«МИНИМАЛИСТСКАЯ ЭТИКА» И «КОНФЛИКТ РЕГИСТРОВ»: ВОПРОС О СТЕПЕНИ ПРИМЕНИМОСТИ ЭТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ РУВЕНА ОЖИЕНА

В статье рассмотрены этические представления французского философа Рувена Ожиена, изложенные в его работах «Этика сегодня. Максималисты и минималисты» (Ogien 2007a) и «Свобода обижать. Секс, искусство и мораль» (Idem 2007b). Описывается значение идей Дж. С. Милля, изложенных им в «Эссе о свободе» (1859), для развития концепции Ожиена и ее антипатерналистской направленности. Автор рассматривает центральные положения теории «минималистской этики» и анализирует ее основополагающие негативный и позитивный принципы, понятия «моральное преступление без жертвы», «обида» и «ущерб». Предложено обратиться к теории Ожиена для решения конфликта эстетического и этического содержания в различных феноменах культуры, демонстрируя логику ограничения области применения моральных суждений. В статье обоснована актуальность данной концепции в современном контексте, описано различие, проведенное Ожиеном между «минималистскими» и «максималистскими» этическими теориями, а также изложены основные элементы критики Ожиеном последних.

Ключевые слова: «минималистская этика», мораль, Рувен Ожиен, моральный ущерб, обида, «моральное преступление без жертвы», антипатернализм, «конфликт регистров».

The article is concerned with the main provisions of French philosopher Ruwen Ogien's theory of "minimal ethics" presented in his works "Ethics Today: Maximalists and Minimalists" (2007) and "Freedom to Offend. Sex, Art and Morality" (2007). The article also emphasizes the importance of input of John Stuart Mill's ideas contained in his philosophical essay "On Liberty" on development of Ogien's approach. The author examines main features of "minimalist ethics" theory and analyses its basic positive and negative principles

Философия и общество, № 1 2021 63–75

DOI: 10.30884/jfo/2021.01.03

and the terms “moral crime without victim”, “offence” and “damage”. We suggest applying Ogien’s theory as a way to resolve the conflict between aesthetic and ethic contents in different cultural phenomena and showing the logic of limiting the field of moral judgment. This article explains the relevance of the concept in the context of modern culture, shows Ogien’s distinction between “minimalist” and “maximalist” ethical theories and main features of his criticism of the latest.

Keywords: *“minimal ethics”, morality, Ruwen Ogien, moral damage, offence, “moral crime without victim”, antipaternalism, “conflict of registers”.*

Проблема, которая подталкивает нас обратиться к малоизученной в отечественной науке теории Ожиена, заключается в антинормативном характере споров о моральном статусе различных явлений современной культуры, а также в необходимости поиска путей их разрешения. Культурные феномены, намеренно или по случайности бросающие вызов моральным устоям общества на том или ином этапе его развития, нередко являлись теми произведениями, которые ставили новые проблемы этического порядка. Эта ситуация сохраняется и в современной культуре, например, когда мы говорим о театральных постановках, выставках, литературных произведениях, перформансе, акционизме и т. д. Достаточно вспомнить дискуссию вокруг выставки фотографа Джока Стерджеса в Центре фотографии братьев Люмьер (Москва, 2016) и обвинений художника в педофилии. Подобные публичные скандалы вокруг понятий «искусство», «нравственность», «ответственность», «мораль» не менее важны и для академического сообщества, так как демонстрируют непримиримость различных существующих в обществе этических позиций, конфликт которых требует профессиональной экспертизы.

В подобных спорах, например, вокруг проектов современных художников, можно наблюдать раскол общества на два лагеря: защитников «традиционных» моральных ценностей и защитников эстетической ценности произведения, или сторонников и противников идеи автономии искусства. Как правило, подобная дискуссия сегодня не дает начала продуктивному обсуждению, так как две стороны не вступают в диалог, а лишь продолжают настаивать на главенствующей роли той или иной ценности. Спор скован антинормативностью: вопрос об иерархических отношениях морали и эстетики

является заранее решенным для каждого участника и отправной точкой для развития его аргументации.

В подобном контексте тем более оправданным кажется обращение к этическому проекту Рувена Ожиена. Получив в Сорбонне степень доктора социологии (а затем и философии), Ожиен являлся директором Национального центра научных исследований Франции (CNRS) и занимался преимущественно вопросами этики и философией социальных наук. Он был активным участником общественных дискуссий, и в тех или иных этических спорах его аргументация обычно опиралась на принципы его теории «минималистской этики». Ее фундаментальные принципы изложены в работах «Этика сегодня. Максималисты и минималисты» и «Свобода обижать. Секс, искусство и мораль», опубликованных в 2007 г.

В качестве предварительного замечания важно подчеркнуть, что Ожиен в своих рассуждениях о современных реалиях не ставит вопрос о приоритете их морального или эстетического содержания, тем самым уже избегая модели дискуссии, описанной выше. Его основная цель – аргументировать то, что провокационный характер ряда явлений зачастую вообще не должен являться предметом моральных суждений. Аргументы для подобной позиции разработаны им, в частности, в упомянутой книге «Этика сегодня. Максималисты и минималисты». Она начинается с объяснения различия между «максималистской» и «минималистской» этическими программами, которое можно кратко описать следующим образом: максималисты, согласно Ожиену, – это самая широкая философская традиция от Аристотеля до Канта, в которой моральные суждения могут распространяться не только на действия людей, но и на их желания, намерения и даже мысли. Такие этические системы часто представляют собой комплексы позитивных предписаний, которые касаются не только отношения человека к другим, но и его отношения к себе. По мнению минималистов, этические предписания должны быть гораздо более строго ограничены в сфере своей применимости.

Радикальный разрыв с традицией максималистов обнаруживается, по словам Р. Ожиена, в «Эссе о свободе» (1859) Джона Стюарта Милля. Милль как идейный наследник либеральной традиции провозглашает независимость индивида и стремится ограничить

любое вмешательство общества в его жизнь (как на основании закона, так и посредством общественного порицания). Его рассуждения фундаментальны для антипатерналистского взгляда морально-го минималиста. Именно из «Эссе о свободе» Ожиеном заимствован эпиграф к «Этике сегодня»: «Нетрудно доказать множеством примеров, что расширение пределов того, что можно назвать полицией нравов, составляет одну из самых всеобщих человеческих склонностей и что это расширение простирается до того, что захватывает даже самую бесспорную сферу индивидуальной свободы» [Милль 2000].

Для Р. Ожиена Дж. С. Милль – первый философ, утверждающий морально нейтральный статус действий субъекта по отношению к самому себе, что есть, как пишет Милль, «свобода выбора и преследования той или другой цели, свобода устраивать свою жизнь сообразно со своим личным характером, по своему личному усмотрению» [Там же]. Принцип ограничения этой свободы одновременно становится для Ожиена границей области действия морали, то есть той сферы, где легитимно вмешательство. Таким принципом для Ожиена вслед за Миллем становится *harm principle* («не навреди», «non-nuisance»), который одновременно и есть отправная точка для развития минималистской этики в целом, где мораль больше не рассматривается как система, охватывающая все разнообразие аспектов человеческой жизни. Для теории «минималистской этики» *harm principle* самодостаточен и фундаментален. Основным критерием, или, скорее, целью моральных предписаний, по мнению минималистов, является мирное сосуществование индивидуальных свобод и равное социальное взаимодействие внутри человеческого сообщества.

С самых первых страниц своей работы Ожиен пытается привести ряд аргументов в пользу отказа от максималистской этики. Стоит сказать, что большая часть работы «Этика сегодня. Максималисты и минималисты» посвящена детальной и последовательной критике максималистских теорий. Мы рассмотрим некоторые их системообразующие элементы, критикуемые Рувеном Ожиеном, среди которых прежде всего важно рассмотреть «моральные преступления без жертв».

Он выделяет три типа «моральных преступлений без жертв»:

1) богохульство и презрение к абстрактным понятиям или различным символам («Бог», «Отечество», религиозные символы, флаги, национальные гимны, а также военные символы, концепции чести, достоинства, детства и т. д.);

2) деятельность, в которую никто не вовлечен без согласия и которая не наносит ущерба третьим лицам;

3) поведение, которое наносит ущерб только самому агенту (наркозависимость, самоубийство и т. д.) [Ogien 2007a: 20–21].

Во всех этих случаях Ожиен усматривает отсутствие «прямой и конкретной жертвы» и «прямого ущерба» [Ibid.: 21]. Даже если опустить проблематичность категории согласия, значение многих из упомянутых Ожиеном понятий не проясняется для читателя в полной мере. Например, можем ли мы под «прямой и конкретной жертвой» подразумевать только конкретного человека или группу людей и целое общество? По какому критерию мы можем определить, что эта жертва «конкретна», а другая нет? «Прямой ущерб» – это только физический и материальный ущерб? Например, в случае медицинских ошибок, когда умирает пациент, или в случае убийства должны ли мы выплатить моральную компенсацию или хотя бы извиниться перед семьей погибшего? Является ли она прямой и конкретной жертвой или только сам умерший? Как следует выносить моральное суждение в ситуации, когда прямой физический вред причиняется ненамеренно? Ожиен определяет эмоциональный ущерб, нанесенный верующим, патриотам, и материальный ущерб сообществу как «косвенный» (в случае «морального преступления без жертвы»). При этом он отмечает, что если мы не берем во внимание эмоциональные и психологические страдания (которые, что важно отметить, причинены намеренно), то содержание *harm principle* будет слишком бедным. Поскольку это не оговорено Ожиеном, мы можем также интерпретировать эти понятия таким образом, что природа агента морального преступления оказывается не столь важна – это может быть конкретное лицо, сообщество или даже государство.

Важным элементом критики максималистов является вопрос о третьем типе «морального преступления без жертвы», то есть об аморальном характере нанесения вреда самому себе. Ожиен

подчеркивает ключевую роль проблемы отношения человека к себе как общую характеристику для всех теорий максималистской этики. Идея о том, что причинение какого-либо физического, материального ущерба другим людям безнравственно, является общепринятой. В то же время это не так очевидно в случаях самоубийства, мастурбации, обжорства, лени, алкоголизма, физического повреждения собственного тела и т. д. Р. Ожиен приводит эти и другие примеры, чтобы объяснить максималистскую логику экспансии.

Мы предлагаем интерпретировать общую фундаментальную характеристику максималистов как «метод вторжения». Р. Ожиен обращает наше внимание на тот факт, что, например, в этике добродетелей, разработанной Аристотелем, центральным элементом является призыв вести «благую жизнь» и развивать моральные качества личности. В этике И. Канта центральная категория долга предписывает запрет на самоубийство и даже относит невежество в отношении наших собственных талантов и отказ развивать их в категорию аморальных. Согласно Ожиену, в подобных теориях содержится нелегитимное и неоправданное вмешательство в человеческую жизнь, поскольку действия, направленные на самого себя, в рамках минималистской этики имеют нейтральный моральный статус (если они не наносят «прямого ущерба» другому). Следовательно, такие явления, как вредные привычки, лень, вызывающий внешний вид и т. д., не могут быть определены через категорию «моральное/аморальное». Ожиен показывает нам возможные границы морали и описывает чрезмерно широкие полномочия «морального судьи».

Ожиен считает, что даже если наши действия по отношению к самим себе могут рассматриваться как серьезный физический ущерб, они все еще не аморальны. Согласно принципу нравственной асимметрии, добро или зло, причиненные намеренно самому себе, не имеют того же значения, что добро или зло, причиненные намеренно другим людям. Эта асимметрия подкреплена тремя положениями:

1. Мораль по определению касается только отношений с другими.
2. Мораль «здорового смысла» асимметрична.

3. Можно нанести преднамеренный вред другому, но не себе [Ogien 2007a: 26].

Они могут показаться более или менее противоречивыми, но для нас важно, что в наиболее радикальной версии этой асимметрии она приводит к утверждению морального безразличия к себе, обоснование которого становится одной из главных целей проекта Ожиена. Он постоянно критикует понятия долга перед собой (глава 2) и идею личной добродетели (глава 3).

Эта тенденция к сужению области этики является важнейшим стремлением Ожиена, которое, однако, имеет свои границы. Устраняя лишние элементы в максималистской версии этики, Ожиен видит обоснованный предел моральных предписаний в принципе «не навреди», а также в помощи окружающим, щедрости, спасении других в опасной ситуации. По словам философа, он предлагает этическую теорию, которая не является «предельно минималистской». Если мы довольствуемся только отрицательным принципом «не навреди», то кажется, что следует сказать, что это скорее «нулевая» этика, а не «минималистская» [Ibid.: 116]. По мнению Ожиена, в минималистскую этическую программу также стоит добавить принцип «равного учета» («d'égale considération»), который утверждает необходимость учитывать мнение каждого, прежде чем вторгаться в его жизнь (этот принцип призван защищать от различных форм патернализма). И эти два принципа – негативный и позитивный – независимы и нередуцируемы, с точки зрения Ожиена. Ссылаясь на Тома Нагеля, Ожиен упоминает две категории, которые обобщают то, чего каждый человек хотел бы избежать по отношению к себе:

- а) никто не хочет, чтобы его обижали, оскорбляли, убивали и т. д.;
- б) никто не хочет, чтобы его заставляли делать то, что он не хочет, и никто не хочет быть защищенным кем-то без учета своего собственного мнения [Ibid.: 117–118].

Отрицательный принцип «не навреди» следует из первого, позитивный принцип «равного учета» вытекает из второго.

Таким образом, Ожиен формулирует три принципа минимальной этики:

- 1) принцип «равного учета» («учет голоса и притязаний каждого»);

2) принцип нейтральности («принцип морального безразличия по отношению к себе»), который выводим из принципов а) и б);

3) принцип ограниченного вмешательства (или принцип «не навреди»).

Таким образом, «минималистская этика – это скорее моральная, чем политическая концепция. Она применяет к частным отношениям, не регулируемым государством, принцип нейтральности, согласно которому действия человека находятся вне морального суждения до тех пор, пока он не причиняет вреда другим» [Ogien 2007a: 167]. Этот нейтралитет часто оспаривается во имя таких понятий, как «человеческая природа», «человеческое совершенство» и «человеческое достоинство» (что является важнейшим признаком максималистских теорий). Критика Ожиена направлена против морального патернализма государства (заключающегося в «защите граждан от себя»), но он настаивает на защите свободы каждого делать в своей жизни что угодно, пока это не вредит другим – эта свобода должна стать не только политическим, но и моральным принципом.

После рассмотрения основных положений, источников и задач этического проекта Ожиена важно рассмотреть вопрос о применении автором собственной теории. Подобную попытку он предпринимает в работе «Свобода обижать. Секс, искусство и мораль» и показывает, как мы можем анализировать практические и актуальные вопросы современности через теорию минималистской этики. Ожиен рассматривает изображение сцен сексуального содержания как пример «моральных преступлений без жертв» и утверждает, что эти сцены не должны рассматриваться как аморальные, преступные и заслуживающие осуждения ни государственной, ни частной, ни социальной сферой.

В то же время он с самого начала отмечает, что явные сексуальные репрезентации могут иметь художественную ценность, и если их целью является, например, не провокация возбуждения, а эстетическая рефлексия, то эти представления в глазах существенной части общества обладают определенным «иммунитетом» и им легче избежать цензуры и осуждения. Наличие определенных художественных качеств в подобных работах для самого Ожиена ни в коем случае не является оправданием для такого рода имму-

нитета, и не так важно принимать их во внимание. Основным критерием в этом вопросе является разница между «ущербом» и «обидами» («*un préjudice*» et «*des offenses*»), введенная Ожиеном.

К категории «обида» относятся все «моральные преступления без жертв», в том числе те, которые могут вызывать дискомфорт и такие эмоции, как смущение, стыд, отвращение или даже страх, беспокойство и т. д. К ней также относятся такие явления, как, например, ненормативная лексика или презрение к государственным символам. Нас не должно вводить в заблуждение выражение «свобода обижать», когда мы говорим о том, что наше поведение будет считаться аморальным, если мы начнем, например, оскорблять нашего соседа по национальному признаку. Это то, что мы понимаем из книги «Этика сегодня. Максималисты и минималисты»:

– во-первых, в этом случае есть прямая жертва: мы обижаем конкретного живого человека, адресат оскорбления не является символом или абстракцией;

– во-вторых, рассуждая о преднамеренном нанесении эмоционального ущерба, Ожиен отмечает, что такие действия уже трудно квалифицировать как морально нейтральные.

Границы между двумя понятиями – «ущерба» и «обида» в рамках теории Ожиена все же не могут быть четко определены. Однако он пытается сделать это, давая три условия, когда поступки причиняют вред и «обида» переходит в категорию «ущерба»:

- 1) если [для адресата] их невозможно избежать;
- 2) если они носят систематический характер и совершаются с целью причинения вреда конкретным людям;
- 3) если их интенсивность превышает некоторые пределы [Ogien 2007b: 22].

Конечно, есть еще существенная неопределенность в этом различии, но Ожиен показывает, что это не мешает нам применять их при анализе современной культуры.

Если изначально предметом рассмотрения для Ожиена являлась проблема сексуальных репрезентаций и обоснование их морально нейтрального характера, то его рассуждения можно распространить на гораздо более широкий ряд явлений, которые также претендуют на положение «вне морали». Например, в «Свободе

обижать» он дополнительно уделяет внимание и проблемам современного искусства. Нам представляется важным развить эту интенцию, показав, почему его теория актуальна и в каких вопросах она может быть учтена. При подробном рассмотрении становится очевидной актуальность данной теории, в частности, для ряда направлений современного искусства.

Во-первых, при поверхностном рассмотрении вопроса мы уже замечаем некоторые намеки на обоснованность такой попытки. Многие художественные произведения нашей эпохи представляют собой, или, по крайней мере, с легкостью могут быть охарактеризованы именно как примеры выделенных Ожиеном типов «преступлений без жертвы»: от классических перформансов Марины Абрамович (перформанс «Губы Томаса», включающий повреждение художницей собственного тела, что соответствует третьему типу) и Авдея Тер-Оганьяна (его скандальная работа «Юный безбожник» является примером первого типа таких «преступлений») до современных работ акционистов, не упускающих возможности неоднозначно работать с государственными и религиозными символами. Критика, которая нередко направлена на подобное искусство, в существенной степени воспроизводит сформулированную Ожиеном классификацию, что уже является основанием для более пристального внимания к прикладному потенциалу его проекта.

Во-вторых, современные художники активно подчеркивают свою «неприкосновенность» относительно моральных суждений. В то же время современное искусство уделяет внимание критике, деконструкции или просто включению в свое поле базовых концепций максималистской этики, таких как честь, добро, общее благо и т. д. Д. Е. Ратиу подчеркивает эту тенденцию: «Часть репертуара современного искусства составляют произведения или действия, которые рассматриваются как посягательства на человеческое достоинство (“непристойность”) и на целостность личности (“жестокость”), посягательства на частную жизнь (“нарушение неприкосновенности частной жизни”), собственность (“кража”) и произведения искусства (“вандализм”), и которые одновременно ставят под сомнение правовые концепции, обозначающие границы легального или, по крайней мере, наказуемого» [Ratiu 2011: 534].

Современный творец в своей художественной деятельности вторгается в реальность (например, акционизм и хеппенинги на улицах города) и пытается оправдать и защитить свое право на вторжение своей собственной имманентной автономией. Эстетические цели им ставятся выше моральных, и он настаивает на собственном моральном иммунитете. Тот же феномен описывается у Ожиена, когда он говорит о художественной ценности сексуальной репрезентации как защитного механизма от цензуры. По нашему мнению, пересмотр привилегированного статуса эстетического содержания не ставит под сомнение имманентную автономию художника: она покидает поле этики после определения принципов, «ограничивающих» эту автономию. Мы подчеркиваем: эти факторы являются сдерживающими, но не деструктивными для искусства.

Минималистская этика оставляет художнику право на критическую работу с абстрактными понятиями, право говорить, право на эксперименты в области эстетики, однако существует взаимное ограничение этики и эстетики благодаря соблюдению трех принципов данной этической теории. Теория Ожиена позволяет избежать так называемого «конфликта регистров», который был описан французским социологом Натали Эйниш. С помощью этого термина она анализирует уже упомянутые общественные дискуссии об аморальном характере того или иного феномена. По ее словам, причиной раскола общества является определение либо «этического», либо «эстетического» содержания в качестве главной ценности, которой отдается приоритет. Сторонники «этического регистра» нередко характеризуются как «моралисты» или «цензоры», а отдающие приоритет «эстетическому регистру» – как «безнравственные» и «аморальные». Согласно Эйниш, конфликт этического и эстетического регистров характеризуется тем, что мы поставлены перед необходимостью выбирать, в рамках какого из них мы судим то или иное культурное явление [Heinich 1992]. Причем диалог между сторонниками двух разных регистров, как показывает Эйниш, практически невозможен: в своей аргументации они совершенно параллельны, не пересекаются и даже не отвечают на возражения друг друга. Эйниш рассматривает различные примеры (споры вокруг выставки Роберта Мэпплторпа, корриды и др.),

которые также можно рассматривать как чрезмерное расширение сферы морали, признаки «патернализма» и «морализма», раскрытываемые Р. Ожиеном, а также как свидетельства напряженной дискуссии между сторонниками двух регистров.

Однако необходимо отметить, что преимущества и применимость данной теории отнюдь не безграничны. Как мы увидели, в своих работах Ожиен стремится обосновать ограничение сферы морали. Одновременно с этим стоит указать и на пределы его собственной теории. «Минималистская» этическая экспертиза не является достаточной и исчерпывающей, ведь для нее специфика искусства имеет достаточно посредственное значение; она уравнивает всю человеческую деятельность перед лицом морали. Ожиен в начале «Этики сегодня» приводит пример с человеком, который весь день проводит на диване, ничего не делает и ест печенье. Такой человек ленив, но не аморален, с точки зрения минимальной этики [Ogien 2007a: 11]. Но искусство, таким образом, ничем не отличается от лежания на диване, от спорта, телепередач и т. д. Более того, нетождественность подобных явлений просто не учитывается в рамках «минималистской этики». Такую унификацию становится затруднительно принять особенно тогда, когда мы обращаем внимание на то, что Ожиен не проводит различие между моралью и этикой: современные практики перформанса и акционизма нередко претендуют на специфическую работу в этическом поле, при этом нарушая моральные нормы общества. Согласно такой распространенной позиции, искусство может быть моральным или аморальным, при этом не переставая быть этическим. Современное искусство все более явно артикулирует свой потенциал в качестве сферы, где возможен этический эксперимент, как сферу, которая способна обогащать, пересматривать или вовсе создавать различные этические проекты.

Некоторую «недостаточность» минималистской этики применительно к вопросам биоэтики отмечала собеседница Ожиена, французский философ Корин Пелюшон, тогда как и сам автор о ней размышлял. Может быть, немного иную, но все же именно «недостаточность» обнаруживаем и мы, когда обращаемся к художественной сфере.

Таким образом, этический проект Ожиена, при всех его требующих уточнения положений и указанных ограничениях, является весьма продуктивным в его практическом применении при анализе широкого круга феноменов. Пересмотр критериев применимости моральных суждений, принципы ее ограничения и обоснование морально нейтрального статуса для ряда явлений создают возможность занять позицию над «конфликтом регистров». Перспективным представляется учитывать положения «минималистской этики» не только при рассмотрении произведений современного искусства, но и в вопросах образования, цифровой среды, цензуры и т. д. Любое моральное требование и осуждение как публичного явления, так и отдельных действий конкретного человека можно подвергнуть определенной первичной «процедуре»: применить к ситуации конфликта принципы «минималистской этики», тем самым «проверив» легитимность вмешательства или обеспечив защиту автономии и свободы субъекта.

Литература

Милль Дж.-С. Эссе о свободе // Антология мировой либеральной мысли (I половины XX века) [Электронный ресурс]. М. : Прогресс-Традиция, 2000. С. 288–392. URL: http://az.lib.ru/m/millx_d_s/text_1859_on_liberty.shtml (дата обращения: 02.03.2020).

Heinich N. L'esthétique contre l'éthique, ou l'impossible arbitrage: de la tauromachie considérée comme un combat de registres // *Espaces et Sociétés*. 1992. No. 69. Pp. 39–54.

Ogien R. L'éthique d'aujourd'hui. Maximalistes et minimalistes. Paris : Gallimard, 2007a.

Ogien R. La liberté d'offenser: le sexe, l'art et la morale. Paris : la Musardine, 2007b.

Ratiu D.-E., L'artiste : immunité ou responsabilité? Considérations sur l'usage des catégories éthico-juridiques dans le monde de l'art [Электронный ресурс] : *Emotion and Value. 5th Mediterranean Congress of Aesthetics*. 2011. Pp. 533–546. URL: <http://www.um.es/vmca/proceedings/docs/VMCA-Proceedings.pdf> (дата обращения: 30.12.2019).